

Из окна третьего этажа городской больницы виднелась широкая гладь реки. С другого её крутого берега волнообразной равниной уходил к горизонту сосновый бор.

Стройные молодые липы прямыми рядами широкой аллеи убегали от больничного двора к улице из высотных зданий, сверкавших оконными стёклами в лучах вечернего солнца. Над их крышами в синем безоблачном небе неслышно носились ласточки. На асфальте у крыльца приёмного покоя с воркованием суетились голуби. На клумбах сквера желтели нарциссы. У свежевыкрашенных лавочек выстроились детские коляски. Легковые автомобили, припаркованные вдоль бетонного забора, поблёскивали разноцветной эмалью. Рыжая вислоухая дворняжка обнюхивала мусорную урну, отметилась возле неё, задрав лапу, побежала дальше.

Однообразную картину потусторонней жизни, вяло протекавшей за окном палаты хосписа, последнего пристанища для неизлечимых больных, Артём Егорович Устюгов, военный пенсионер, гвардии прапорщик в отставке, кавалер орденов Красного Знамени и Красной Звезды, наблюдал, лёжа на одинокой кровати, куда его на тележке привезли санитары.

Артём Егорович, перенёсший тяжелейшую хирургическую операцию, не знал, что в ординаторской, обсудив

состояние безнадежного больного, врачи сошлись во мнении: жить осталось их пациенту совсем немного. Ну, месяц, два... Доморощенные корифеи медицины городского масштаба смотрели на последствия неблагополучной операции глазами портного, чинившего гнилыми нитками изношенные, протёртые до дыр штаны: не долго поносятся, порвутся, и нечего о них сожалеть. Придя к такому заключению, специалисты по вспарыванию и зашиванию животов распорядились переместить умирающего человека из реанимации в хоспис — отдельную палату для неизлечимых больных, или, как говорили в больнице, в «голгофу» (так назывался первый хоспис, открытый в 1842 году в Лионе Жанной Гарнье, где решались проблемы достойного ухода из жизни смертельно больных людей).

Артём Егорович ни сном ни духом не ведал, что на нетерпеливые вопросы близких родственников, с притворным состраданием справлявшихся о состоянии здоровья Устюгова, врачи со свойственным им в таких случаях спокойствием разводили руки:

— А что вы хотели? Мы сделали всё, что в наших силах... Медицина в таких случаях бессильна... Готовьтесь к худшему... Сколько дней протянет? Пожалуй, месячишко-другой... У нас хороший уход... Обезболивание...

Родственники — дочь Мария, продавщица из универсама, и зять Кирилл, слесарь-сантехник, сын Николай, водитель автобуса, и невестка Лидия, официантка из кафе, — отняв платки и ладони от сухих глаз, некоторое время стояли на лестничной площадке, о чём-то тихо, но порой с резкими выкриками спорили. В речи их то и дело проскальзывали слова «квартира», «гараж», «дача», «Нива», «завещание»...

Выяснив семейные отношения, они с печатью скорби на лицах, с грустно-печальными взглядами, потупленными в линолеум пола, вошли в палату к отцу.

Дочь и невестка заламывали руки, изо всех сил пытались заплакать. Сын и зять с хмурым видом посматривали на измождённого болезнью старика, прикидывая в уме, когда получат наследство на недвижимость, кому и что определит отец-тесть в завещании, как убедить его не тянуть с этим делом, в какую сумму обойдутся похороны.

— Ах, папочка, как же так? Ты решил нас покинуть? Не умирай, прошу тебя,— наигранно всхлипывала Мария, слюнявя палец и водя им по намалёванным глазам.

Сцену печали у постели умирающего отца она репетировала дома перед зеркалом в ванной и теперь бросала короткие взгляды на мужа: достаточно ли жалостливо произносит прощальные слова? Кирилл, в подпитии, набычившись, одобрительно кивал и громкими вздохами выражал сочувствие, предпочитая в данной ситуации молчать, дабы не брякнуть очередную пьяную глупость, не вызвать подозрение тестя о своём давнишнем желании завладеть его трёхкомнатной квартирой. Понимая, что в наследовании «трёшки» у него меньше шансов, чем у сына тестя, зять недобро косился в его сторону.

— С чего это ты, любимая моя Машенька, решила, что я намерен покинуть вас и уйти в мир иной? Я выздоровею... Вот увидишь... И мы с тобой съездим на моей «Ниве» в бор за грибами... За маслятами... И потом... Мне позарез нужно закончить книгу о бойцах нашей разведроты, воевавших в Афганистане. Если я не напишу о них, их имена предадутся забвению... Нет... Умирать мне сейчас никак нельзя... «Афганский дневник» — так назову свою книгу — должен дойти до читателей... Тетрадь в коричневом коленкоровом переплёте... Потрёпанная такая... В письменном столе... Я делал записи в ней под пулями душманов... Фамилии, имена бойцов в ней... Кто, где и как погиб... Пусть наши люди узнают, как сражались воины-интернационалисты... Привезёшь её мне... Впрочем, не надо... Вот выйду из больницы и сразу начну работу над дневником...

«Наивный старикан... На ладан дышит, а всё туда же, куда и все... В писатели метит... Жить тебе осталось считанные дни... О каком-то дневнике барагозит... — подумал зять Устюгова, с молчаливо-отрешённым лицом вззирающий на тощее тело тестя, прикрытое пледом.— Не о бойцах, давно позабытых всеми, говорить тебе надо, а о делах насущных... О завещании квартиры любимой доченьке Маше...»

Другая смиренная пара самых близких родственников бывшего десантника, участника войны в Афганистане, гвардейца, орденоносца Устюгова, понуро стояла у изголовья кровати, напустив на себя трагический образ кающихся грешников.

— Папа, прости, что мало помогал тебе на даче... Брал без твоего разрешения «Ниву»... И с ремонтом квартиры я

тебе не помог... Но если ты отпишешь её мне, я в ней всё так отделаю! Любо-дорого будет взглянуть! Ты поправляйся скорее — и вперёд, в нотариальную контору... Впрочем, зачем ноги бить? Нотариуса можно вызвать сюда... Давай поправляйся... Поедем с тобой на озёра на рыбалку... Прости, что...

— Вы были у доктора Лебединского? Что сказал он? — прервал отец притворную исповедь «блудного» сына.

— Да, Артём Егорович! — выступила вперёд невестка Лидия.— Он сказал, что вас... выпишут... на днях... Вы сможете тогда оформить завещание... Помните, мы отмечали ваш день рождения на даче?.. С шашлыками... С ухой... Вы сказали там, что квартиру отдадите нам с Николаем...

При последних словах невестки Мария испепелила зловку уничтожающим злым взглядом. Николай отпихнул Лидию локтем, поспешил загладить откровенное признание жены в алчном стремлении захватить жилплощадь свёкра.

— При чём здесь квартира, завещание?! Главное, чтобы ты, папа, поскорее встал на ноги... Ладно... Не будем мешать... Тебе нужен покой... Поправляйся...

Согбенные фигуры наследников недвижимости, пятясь, удалились из палаты. За неплотной притворённой дверью некоторое время раздавались резкие голоса родственников, обеспокоенных болезненным видом отца, предстоящими хлопотами с похоронами и общей боязнью, выраженной вслух «любимой дочкой Машенькой»:

— А вдруг он умрёт и не успеет сделать завещание?..

В коридоре чуть слышно шаркали ногами в мягких тапочках медицинские сёстры. Тихо переговариваясь, они разносили по палатам капельницы и лекарства.

— Что назначил Лебединский Устюгову? — вздрогнув, услышал бывший разведчик свою фамилию, так часто произносимую бойцами его разведроты.

— Ничего не назначил...— приглушённым голосом ответила дежурная медсестра.

— Как не назначил? Ведь Валерий Павлович его лечащий врач,— с недоумением в голосе переспросила практикантка, учащаяся медицинского колледжа.

— Зачем? Умрёт он скоро... Валерий Павлович ему обезболивающие назначает... Потому его в палату для безнадёжно больных перевели... Мы промеж себя эту палату

хосписом называем, «голгофой», откуда одна дорога... в морг... Нет нужды мучить человека уколами, процедурами... У него есть обезболивающие средства... Он думает, что это лекарства, принимает их, и ему становится легче... Как выпьет несколько таблеток за раз, так ему кажется, что он уже выздоравливает и ничего у него уже не болит... Взрослые дети его приходили к Лебединскому... Валерий Павлович сказал им, чтобы к похоронам готовились...

— Жаль Устюгова... Хороший дядечка... Весёлый такой... Всё шутит... Верит, бедняжка, что скоро на поправку пойдёт.

— Что поделаешь, — холодно заметила медсестра. — Из нашей «голгофы» ещё никто сам не ушёл... Всех вынесли ногами вперёд...

Негромкие слова, которыми, бряцая шприцами в процедурном кабинете, перекинулись девушки в бирюзовых халатах, повергли Устюгова в уныние. Безразличный ко всему, он тупо, не мигая, смотрел на реку, на лес, на краснеющее закатом небо, на жилые дома и думал. Просто так... Ни о чём... Вот дома... Ещё долго будут стоять, а его, Устюгова, не будет в этой жизни... Как нет тех красивых, здоровых парней, убитых моджахедами. Его не будет, а дома будут стоять вот так, как сейчас... И река будет течь... И тот сосняк, в котором каждое лето бродят грибники, останется, а его, Устюгова, не будет... И нарциссы будут каждую весну цвести... И даже рыжий пёс будет бегать по скверу... И машины будут стоять... И детские коляски у скамеек... Всё будет по-прежнему... Только его, Артёма Устюгова, нигде не будет... Странно... Болей не чувствуется... Швы сняли... Почему тогда он должен умереть? Нет... Здесь какая-то чудовищная ошибка... Нянечки бульон приносят, кефир, соки дают... Зачем бы они стали кормить, поить его, если всё равно умирать? Нет! Не может такого быть, чтобы он, Устюгов, с полной солдатской выкладкой, в бронежилете, в каске, с автоматом и запасными магазинами к нему, пробежавший по несколько километров во время марш-бросков, взял бы и умер! Ну, была операция... Два месяца прошло... В отдельную палату положили...

«Чтобы спокойно вам было...» — объяснил лечащий врач Лебединский.

«Хоспис какой-то выдумали... Палата-одиночка... Только и всего, — размышлял Артём Егорович, глядя в окно на реку. — А хорошо бы накачать лодку, взять с собой палатку,

сеть, ружьишко прихватить... Ну, так, для пропитания... Рябчика, утку стрельнуть... Ну, медведя пугнуть, если косолапый наведается в гости... Рыбы наловить... Костерок развести... Ущицу заварить... Перчик не забыть взять... Лавровый лист... Чаёк закипятить... Сесть на пенёк с блокнотом и ручкой и продолжить работу над записками о героях-афганцах...»

— Дневник! — громко произнёс Устюгов, вспомнив о толстой замусоленной общей тетради в коленкоровом коричневом переплёте.

В ней заключался для него смысл жизни, для неё теперь надо было во что бы то ни стало выстоять, преодолеть муки и страдания, выдержать, как в знойном Афгане, когда, истекая кровью, преодолевая дикую боль в перебитой ноге, он под палящим солнцем, изнывая от жажды, волоком по камням тащил раненого товарища.

— Дневник! — сбрасывая на пол плед и садясь в кровати, повторил он.— Пропадёт дневник без меня! А в нём фамилии погибших боевых товарищей, записи эпизодов их геройских подвигов... Квартиру им! Сейчас! Шнурки разглажу и бегом к нотариусу! Зять, пьяница, пропьёт... Сын продаст или на иномарку сменяет... Новые хозяева начнут уборку делать, выбросят тетрадь в мусорное ведро...

Смерть ветерана не страшила... Много повидал её во время боёв, много раз сам смотрел ей в лицо, прикрывая отход роты с ручным пулемётом, отбиваясь от наседавших бородатых душманов, не щадивших никого. Одна лишь мысль о том, что не закончит работу над афганским дневником, не давала ему в этот поздний час покоя.

После полуночи Устюгов встал с кровати на занемевшие от долгого лежания ноги, по которым забегали мурашки. Придерживаясь за стену, подошёл к двери, посмотрел в щель, прислушался. За столиком, положив голову на журнал, у настольной лампы дремала дежурная медсестра. Босиком, в одной пижаме, Устюгов бесшумной тенью прошёл мимо неё, цепляясь за перила, спустился по лестнице с третьего этажа на первый. Слабость во всём теле и головокружение он принял за недомогание по причине долгого бездействия. Приступов боли он не почувствовал и счёл это признаком выздоровления.

— Жизнь — это движение... Надо драться, надо выстоять... Мы — ВДВ... Если не мы, то кто?! Никто, кроме нас!

— шептал Устюгов «кричалки» десантников, напрягая все силы, чтобы не упасть, пройти незамеченным мимо вахтёра, спавшего, сидя на стуле.

Неуверенно, на цыпочках, пробираясь мимо верзилы в спортивном костюме фирмы «Адидас», нечаянно зацепил ногой швабру, прислонённую к стене. Палка звонко шлёпнулась на мраморный пол. Вахтёр испуганно вздрогнул, продрал заспанные глаза, удивлённо уставился на больного.

— Н-не п-понял... Ты куда, дистрофан? — выбрасывая ногу перед собой и загораживая Устюгову проход, недовольный, что его разбудили, пробасил верзила.

— Куда, куда... На кудыкину гору, — выпрямляясь во весь рост, бодро ответил Устюгов. — Душно в палате... Решил вот... до клумбы сходить... Нарциссов нарвать... Свежим воздухом подышать...

— Не положено выходить... Давай, старикан, поворачивай оглобли в палату! Гулять он надумал! Ещё чего! Скопытишься на улице, а я отвечай...

— Цветочков нарву и вернусь... Открой дверь, прошу...

— Ну даёт... За цветочками собрался! Ты что, не понял? Я сказал: марш в палату! А то я сам тебя возьму за шкибло и унесу туда, откуда ты такой доходной нарисовался...

— Ну что ж, извини... Только мне край как надо... А это кто ещё идёт? — показал Устюгов за спину охранника.

Тот повернулся, и в эту секунду Устюгов ребром ладони резко, как когда-то разбивал кирпичи и головы душманов, врезал вахтёру по голой шее. Верзила мешком свалился на пол. Устюгов отодвинул задвижку шпингалета, открыл дверь и вышел на улицу, пьянея от аромата цветущих диких яблонь, сирени, черёмухи, шиповника. Он подошёл к клумбе, сорвал несколько нарциссов, поднёс к губам.

«Я не вернусь на смертное ложе хосписа... Пусть я буду первый, кто унёс из него ноги сам, а не на каталке... Здесь так хорошо», — подумалось ему. Он вспомнил о недавнем мечтании уплыть на лодке, присесть где-нибудь в живописном месте и продолжить в тиши природы работу над афганским дневником.

С букетиком весенних цветов Устюгов двинулся по аллее к освещённой фонарями улице, всё увереннее шлёпая босыми ногами по холодному асфальту. На автобусной

остановке он махнул рукой проезжавшему такси. Водитель иномарки, молодая женщина, удивлённо-подозрительно воззрилась на босоного пассажира в больничной пижаме.

— Это вам! — протянул он ей нарциссы, чем ещё больше озадачил женщину. — Не обращайтесь внимания на мой внешний вид... Я сбежал из больницы, с палаты смертников...

— Ну, скажете такое, — думая, не сумасшедший ли перед ней, сказала водитель. — Разве бывают такие в больнице?

— Хосписами их зовут... «Голгофами»... Я не псих... Я нормальный человек... Отвезите меня, пожалуйста, на улицу Чехова, дом номер пять... — открывая дверцу и садясь в машину, стуча зубами от холода, сказал продрогший Устюгов. — Вам придётся немного подождать у подъезда... Дома я переоденусь, вынесу кое-какие вещи, и вы отвезёте меня в гараж. Не беспокойтесь, я рассчитаюсь с вами сполна...

Женщина за рулём, не говоря ни слова, хмыкнула в ответ, покачала головой. Каких только пассажиров не приходилось возить ей, особенно в ночное время, но этот, кажется, был самым странным.

Скоро они приехали по указанному адресу.

— Я сейчас, мигом! — в сильном душевном волнении хлопнул дверцей Устюгов.

Состояние беглеца из палаты смертников равнялось чувству, испытанному им, когда он успел выбросить из окопа гранату, брошенную талибом.

Радостно возбуждённый, Артём Егорович набрал номер на домофоне соседней квартиры.

— Полина Ивановна... Это я... Устюгов... Извините за столь позднее беспокойство... Откройте дверь... Я к вам за своими запасными ключами... Мои в больнице остались...

Домофон пропиликал, открывая магнитный замок, и Устюгов, запыхавшись, поднялся на четвёртый этаж, с трудом отдышался, привалившись к стене. Соседка, бывшая учительница, седовласая женщина в халате, в шлёпанцах на босу ногу, испуганно посмотрела на него. Как бы не веря, что перед ней стоит именно он, всегда радушный сосед Артём Егорович Устюгов, недоумённо пожала плечами.

— А мне сказала Маша, что вы... скоро того... — пробормотала Полина Ивановна, протягивая Устюгову связку ключей.

— Не верьте, Полина Ивановна... Как видите, я не того...

Устюгов вошёл в квартиру, где, судя по немывтым тарелкам, хвосту селёдки, окуркам и прочим атрибутам выпивки, в его отсутствие побывали наследники, у которых тоже имелись ключи. Книги на полках шкафов, в спешке составленные неровными рядами, куртки и пиджаки с вывернутыми карманами, задранный край матраца, ящики письменного стола, не до конца задвинутые, — всё говорило, что «дорогие родственники» нетерпеливо копались в вещах, искали пенсионные деньги.

Окинув взглядом беспорядок в квартире, Устюгов торопливо прошагал к письменному столу, дрожащей рукой выдвинул верхний ящик с бумагами, перерытыми чьими-то загребущими руками. В эту минуту он больше всего боялся не найти среди них то, ради чего сбежал из больницы.

— Вот она! Жива, слава Богу! — доставая тетрадь в коричневой коленкоровой обложке, облегчённо вздохнул Устюгов и трижды перекрестился, воздавая благодарение Господу.

Большую армейскую сумку он плотно набил походными вещами. Сложил в неё документы, афганский дневник, пачку лапши «Доширак», банку тушёнки, чай, сахар, соль, спички, набор шариковых ручек и карандашей.

— Остальное прикуплю в какой-нибудь деревне на берегу реки, — сказал он сам себе, одеваясь в камуфляжный костюм.

Обулся в берцы, притопнул привычно каблуками, проверяя, удобно ли ногам в тяжёлых солдатских ботинках. Сунул в нагрудный карман паспорт, водительское удостоверение, охотничий билет, разрешение на ружьё, карту банкомата на получение пенсии.

— Что ещё? — закусив губу, на минуту задумался он. — Деньги! — вспомнил он о такси, за которое надо расплатиться.

Прошёл на кухню, снял с полки старый заварник с отбитым носиком, вынул из него двадцать свёрнутых трубочкой тысячных купюр, припасённых на «чёрный день».

— Ну, кажется, всё... — пристально оглядывая квартиру, проговорил он.

Проверил закрытие водопроводных кранов, выключил свет.

С огромным, выше плеч, рюкзаком, с зачехлённым ружьём и патронташем он вышел на лестничную площадку, запер квартиру.

— Ишь чего выдумали... Завещание им... Ждут не дождутся, когда умру... Не дождётесь, дорогие мои... Мы ещё повоюем... Гвардия умирает, но не сдаётся...

Сказав так, гвардии прапорщик в отставке, переваливаясь под тяжестью мешка, спустился вниз, вышел на овеванную июньской ночной прохладой улицу. Ярко горели фары такси. Женщина-водитель подняла капот багажника, затолкнула в него вещи пассажира, одетого и обутого в армейскую одежду, совсем не похожего на того странного человека в больничной пижаме и с букетиком нарциссов в руке.

— В гараж кооператива «Метеор», — коротко сказал Устюгов, блаженствуя от сознания новой страницы в его жизни, перевёрнутой столь неожиданно, в оставшийся отрезок которой предстоит ему сделать главное — закончить работу над книгой «Афганский дневник».

У дверей своего гаража Устюгов выгрузил из такси вещи, расплатился с женщиной, поблагодарил, и та укатила, несомненно, ломая голову над тем, что побудило пожилого человека сбежать из больницы в полночный час и ринуться среди ночи в гараж с ружьём и армейским мешком.

Устюгов, уже не торопясь, напевая под нос: «...В десанте служим мы крылатом, а здесь нельзя не быть орлом...» — переложил вещи в багажник «Нивы», дополнив его палаткой, надувной лодкой «Фрегат», топором, бензопилой, вёслами, сетями, удилищами, закопчённым ведром и котелком, плащами, резиновыми сапогами и ещё многим другим, что может понабиться на пустынном берегу широкой реки.

Наконец, покончив со сборами, он выгнал «Ниву» из гаража, запер его тремя ключами, сел в машину и плавно тронулся с места. Он включил «Дорожное радио», и тотчас раздались задорные заключительные слова песни:

...Старость меня дома не застанет,
Я в дороге, я в пути...

...Несколькими днями позже рыбаки обнаружили в палатке на берегу реки возле одиноко стоящей «Нивы» тело умершего человека, сжимавшего холодной рукой общую тетрадь в коричневом коленкором переплёте.